

Александр Збруев: «Все дело — в гармонии»

Минувшим летом на «Кинотавре» в Сочи большим зрительским успехом пользовалась картина В.Астрахана «Все будет хорошо», отмеченная впоследствии несколькими международными призами. По общему мнению, одна из наиболее ярких и заметных актерских работ в фильме - работа Александра Збруева. Он сыграл роль очень крутого, предприимчивого, удачливого бизнесмена. Это на сегодняшний день последняя лента с участием Збруева, дошедшая до зрителя. Сам Александр сейчас «с головой» ушел в реализацию нового грандиозного проекта - создает актерский клуб.

«Я хочу, - рассказывал артист, водя меня по двум уютным залам и указывая на тонкости и красоту дизайнера, - чтобы клуб стал таким, как, скажем, сгоревшее ВТО, где можно было бы спокойно посидеть и пообщаться друг с другом». Казалось, Александр весь растворился в архитектурных объемах и раздробился в золотистой игре светильников, обсуждая с дизайнерами подробности освещения лестницы, положения киноэкрана, возможность устройства козырька над парадным подъездом. А я не могла не отметить, что и в это, непривычное для него дело он вносил присущее ему изящество, утонченность и артистизм.

- Саша, когда-то Станиславский изрек, что актер, приходя в театр, должен все свои дела; личные переживания и неприятности оставлять за пределами сцены. Сегодня, когда ритм жизни стал другим, да и актеры не могут заниматься только чистым искусством, удается ли все, накопленное за день, оставить за кулисами или это как-то трансформируется в новое качество на сцене?

- Вы знаете, у меня был в жизни экстремальный случай - я тогда снимался в комедии. Впервые я снимался в очень смешной картине. Называлась она «Опекун» и требовала комедийного жанра, и очень остро. Так вот, необъяснимая вещь: прихожу на площадку и чувствую, как по-

чему-то люди со мной разговаривают по-другому. А в тот день в группу пришла срочная телеграмма от врачей: «Немедленно вылетайте». Моя мать попала в больницу, предстояла очень серьезная операция. Мне еще ничего не сказали, но я почувствовал, что что-то не то. Другие глаза у Клары Лучко, у Георгия Вицина, все чуть-чуть другое. И я сам спросил у режиссера: «А что случилось-то?» Мне ничего не объяснили, я снялся в тот день в очень смешном эпизоде, но внутреннее напряжение нарастало. После смены директор не выдержал и говорит: «Вам телеграмма, но вы не имеете права улететь - у нас завтра съемка». Я даже не понял: «Чего? Я не могу улететь?!» И тут же с площадки, не переодеваясь, в чем был, уехал в Симферополь

поль (мы снимали в Ялте). Приезжаю в больницу - операцию сделали, но мать я потерял. Рано или поздно - это случается у всех. И вот мне предстояло вернуться и продолжать работать. Через пять дней, в этом состоянии, похоронив мать, вернуться на съемочную площадку и играть комедию. Я не знаю, что происходило внутри в тот момент (зритель, конечно, ничего на экране не заметил, я в этом уверен), но помню, как я это большое горе - и это было подсознательно - пытался закрыть лирической грустью, что ли... Понимал, что общаюсь слюдьми, работаю. Но в голове все время - ТО. Избавиться от этого, «оставить за кулисами»?.. Я никак не мог этого сделать. Но оказалось, что даже и колоссальное горе - выносятся. И направляется в

какое-то иное русло. Это делается не умом, а само собой.

Станиславский, конечно же, был великим учителем. Но время, в которое он жил, очень отличалось от нашего. Может быть, тогда еще и можно было заниматься только чистым искусством. Но мир сильно изменился с тех пор. От проблем все труднее избавиться - появилось ощущение, что до тебя на каждом шагу дотрагиваются. Не просто положили руку на руку, а еще и нажали, ткнули. Со всех сторон. Сегодня в театре все больше и больше из повседневной жизни выносятся на сцену. И это нормально, потому что театральное действие только тогда и становится понятным, адекватным времени. Недаром, когда случается момент траура в стране (я имею в

виду не надуманную коммунистическую скорбь по поводу смерти какого-то политического деятеля, а моменты истинного национального траура), все жанровые увеселительные концерты и постановки отменяются. Это элементарная этика. Театр не может радоваться, когда вокруг люди плачут.

Вопрос в том, насколько твоя внетеатральная жизнь прибавляет что-то образу. Самое целое, это, конечно, то, что ты уже знаешь, что разбирал с режиссером. То, что делал. А все остальное - это уже плюс к этому, через себя - все закорючки, мульки, переживания «по поводу». И тут бывают удивительные эпизоды. У меня был случай - я играл с очень высокой температурой спектакль «Мой бедный Марат». Заменил меня в тот вечер было некому. Я знал весь «разбор» спектакля, но двигался, словно в бреду, все видел как в тумане, как бы на ощупь, через «незнание» ситуации. И это было, как в первый раз. Помню, как тогда за кулисы ко мне пришел Анатолий Эфрос и сказал: «Вот так бы должно быть все время». И что удивительно, я приехал домой - и температура у меня спала. Я быстро пошел на выздоровление. Поэтому, наверное, и говорят, что сцена лечит. Но она и калечит, конечно.

- Сейчас вы заняты актерским клубом. А вообще вы в жизни увлекающийся человек?

- Очень увлекающийся.
- Это касается и женщин?

- Когда меня спрашивают, почему я в тот или иной момент хорошо выгляжу, то это, как правило, не только момент творчества, но и момент какого-то личного увлечения. Женщины? Они всегда были для меня важны. Мама говорила, что мой отец был очень увлекающаяся натура. Его любили женщины. Она с гордостью это говорила. Я думаю, что это - откуда-то оттуда.

- У вас есть женский идеал и нашли ли вы его в жизни?

- Я вообще человек настроения. Если сегодня солнце и женщина - в белом, если у нее светлая улыбка - то это полное совпадение. А если в мире тепло, а женщина, грубо говоря, закутанная и под зонтиком от дождя - то она пройдет... мимо меня. Но эта же женщина может быть очень хороша в плохую погоду. Вот в чем дело.

- То есть в гармонии?

- Именно.

- Были ли у вас случаи в жизни, когда из-за любимой женщины вы бы не пришли на спектакль или не появились на съемках?

- Нет. Такого не было. И сцена, и съемочная площадка - это для меня всегда было свято. Но я думаю, что это не только для меня - так для любого актера. Театр и кино - это ведь тоже Любовь. Большая любовь и большое увлечение...

Елена КУРБАНОВА.

На снимке: А.Збруев с А.Абдуловым.